

Щи без хлеба

Записки потерянного
горожанина

Кухонный переворот

Jak_Marriten

Jak Marriten

Кухонный переворот

«Автор»

2026

Marriten J.

Кухонный переворот / J. Marriten — «Автор», 2026

Иван Петров приехал в Задолбово не за счастьем, а от безысходности. Стартап прогорел, долги съели последние деньги, а впереди — пустота. В бабушкином доме, где пахнет щами и сушёными грибами, время течёт по-своему: здесь сжигают отчёты вместо того, чтобы их подписывать, а куриц считают не цифрами, а именами. Но у деревни есть тайна. Под старой половицей лежит золотое яйцо, которое, по словам бабы Мани, хранит память всей семьи — и если оно разобьётся, то не скорлупой, а светом. Пока чиновники требуют электронной отчётности, бизнесмены скупают землю, а журналисты делают из жизни репортаж, Иван учится самому главному: дом — не место, дом — это люди. «Щи без хлеба» — книга о том, как вернуться к себе через возвращение к корням. О том, что настоящее чудо — не в артефактах, а в простых вещах: земле, хлебе, тихом вечере на крыльце. Это притча, от которой становится теплее на душе.

© Marriten J., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Щи без хлеба	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Jak Marriten

Кухонный переворот

Глава первая. Щи без хлеба

Автобус остановился не в самой деревне, а на развилке у старого бетонного столба, на котором когда-то красной краской вывели «Задолбово — 2 км», но дожди и ветра стёрли почти все буквы, оставив лишь смутное пятно, которое можно было прочесть только если заранее знал, что здесь написано. Иван стоял у обочины, сжимая в правой руке ремень единственного чемодана, и смотрел на серое небо, которое лежало низко, как потолок в плохо оштукатуренной комнате.

Начало октября выдалось сырым и холодным — не по-осеннему промозглым, а по-зимнему колючим. Ветер дул с востока, откуда-то из глубин области, и нёс с собой запах торфа и прелой листвы. Иван поёжился, хотя был одет в куртку, которую покупал три года назад для поездки в горы — она так и не пригодилась для гор, потому что поездка сорвалась, и теперь куртка висела на нём без толку, грела, но не спасала от влажного пронизывающего холода, который пробирался под воротник.

Он не знал, зачем приехал. Это было самое честное признание, которое он мог себе сделать. В городе, где он жил последние двенадцать лет, всё пошло прахом: его стартап по доставке еды, в который он вложил все сбережения и ещё взял кредит, лопнул за три месяца до того, как он планировал выйти на окупаемость. Инвесторы сказали, что рынок перегрет, что его модель не выдерживает конкуренции с гигантами, и что ему лучше закрыться, пока долги не съели его целиком. Он закрылся. Долги остались. Но это была не только проблема денег — в последние месяцы он перестал понимать, зачем вообще занимается этим делом. Еда, доставка, приложение, звонки, улыбки клиентов, звонки курьеров, звонки поставщиков, — всё это вдруг стало казаться ему бесконечной игрой в одни и те же карты, которые он тасовал, но колода не менялась. Он устал. Он устал сильнее, чем когда-либо в жизни, и единственное место, где он мог позволить себе устать по-настоящему, была деревня, где жила его бабушка, где он проводил каждое лето до восемнадцати лет, где время текло иначе.

И вот он стоял с чемоданом, и на горизонте, в серой дымке, виднелись первые крыши. До деревни было два километра по асфальту, который кое-где провалился в ямы, но идти было недалеко. Однако не успел он сделать и десяти шагов, как из-за поворота выскочил мальчишка на ржавом велосипеде — таких велосипедов он не видел уже лет двадцать, с высоким рулём и сиденьем, на котором была намотана изолента. Мальчишка был мелкий, лет двенадцати, но одет был в отцовскую телогрейку, которая свисала с плеч почти до колен. Он лихо затормозил прямо перед Иваном, подняв облако пыли, и спросил:

— Ты к Маньке? К бабке Мане?

Иван опешил: откуда пацан знает, к кому он идёт? Но, видимо, в деревне чужих не бывает, а все, кто выходит из автобуса с чемоданом в конце сентября, — это либо к Маньке, либо к Зинке, либо к Петровичу, но Петрович уже два года как никого не ждал, а Зинка, наоборот, ждала, но только если кто-то привозил ей лекарства из района.

— Да, к бабушке, — ответил Иван.

— Она велела передать, чтобы ты не шёл по дороге, а огородами, — серьёзно сказал мальчишка и поднял палец, как взрослый. — Там впереди, у поворота на мост, гаишники стоят. Ну, не гаишники, а участковый с кем-то из района. Они на машине, так что лучше огородами. Иди прямо через поле, там тропинка, а потом по заборам, по огородам. Чисто будет.

Иван хотел спросить, зачем ему прятаться от участкового, но мальчишка уже развернулся, нажал на педали, и велосипед с лязгом понёс его обратно в деревню, оставив за собой сизый выхлоп из выхлопной трубы, которая была приделана к багажнику зачем-то, видимо, для красоты.

Иван усмехнулся, перекинул чемодан через плечо и, не раздумывая, свернул вправо, в поле. Тропинка действительно была — узкая, утоптанная до земли, она вилась между пожухлыми грядками, на которых уже ничего не росло, только сухая трава и изредка — чахлые кусты полыни. Он шёл и слушал, как хрустит под ногами мёрзлая земля, как где-то вдалеке лает собака, а потом ещё одна, потом третья, и через минуту вся деревня отвечала ему разноголосым лаем, как будто он был чужим, но его уже узнали. Иван улыбнулся — это было приятное чувство, когда тебя не просто видят, а опознают по запаху, по шагу, по чему-то неуловимому. Собаки знали, что он свой, но всё равно облаивали из вежливости.

Он шёл около получаса, обходя заборы, переступая через низкие прясла, и наконец вышел к знакомому дому — бревенчатому, с зелёной жестяной крышей, на которой кое-где проглядывала рыжая ржавчина, но держалась она крепко. Окна кухни светились тусклым жёлтым светом — это была керосиновая лампа, потому что электричество в деревне отключали по расписанию, с семи вечера до десяти утра, чтобы экономить. Иван подошёл к калитке, толкнул её, и калитка приветственно скрипнула, как старый друг, который узнал его по жесту.

Баба Маня стояла на крыльце, опираясь на дверной косяк. Она была невысокой, чуть сутулой, с седыми волосами, собранными в тугий пучок на затылке, из которого выбивались непослушные пряди. На ней был тёплый клетчатый платок, повязанный на плечи, и тот самый фартук с вышитыми петухами, который Иван помнил с детства — петухи были красными, с чёрными хвостами и золотыми гребешками, и каждый раз, когда он смотрел на этот фартук, ему казалось, что петухи сейчас сойдут с ткани и закукарекают. Она не изменилась ни на день, и Иван почувствовал, как что-то сжалось у него в груди — то ли от умиления, то ли от внезапной тоски по всем тем годам, что он не был здесь.

— Ну, здравствуй, что ли, — сказала Баба Маня без особого тепла, но с такой интонацией, которая говорила больше, чем любые слова. — Долго ехал. Я уже ужин сварила, остывает, поди.

Она шагнула в сени и махнула ему рукой, чтобы он заходил. Иван переступил порог и оказался в полумраке прихожей, где пахло старым деревом, сушёными грибами и ещё чем-то неуловимым — может быть, дымом из печи, а может быть, временем. Он скинул ботинки, повесил куртку на крючок и прошёл в кухню, где уже был накрыт стол. На столе стояла глубокая миска с щами, рядом — деревянная ложка, а также стакан с тёмным настоем, пахнущим травами. Но хлеба не было.

— Садись, — сказала Баба Маня и села напротив.

Иван сел, взял ложку, но замешкался, глядя на пустое место, где обычно лежал хлеб.

— Хлеб где? — спросил он.

— Нету, — ответила она ровным голосом, как будто это было нечто само собой разумеющееся. — В магазине не завезли. Зинка обещала, да у неё вчерашний остался, а вчерашний я не беру. Я лучше без хлеба поем, чем с плесенью. А ты? Ты будешь?

— Буду, — сказал Иван и принялся за щи.

Первая ложка обожгла рот — суп был горячим, наваристым, с кислым капустным духом, но необычно солёным. Он поморщился, но не остановился.

— Пересолила? — спросила Баба Маня, наблюдая за ним с лёгкой усмешкой.

— Нет, нормально, — соврал Иван, но она видела всё.

— Это соль не наша, — вздохнула она. — Семён привозил, из города. «Экстра» называется, в красивой коробке. Говорит, морская, полезная. А я попробовала — мёртвая она, ника-

кого вкуса. Выкидывать жалко, добавила в щи. Ты не бойся, соль-то мёртвая, а щи живые. Они от этого не испортятся.

Иван улыбнулся и доел почти всё. Только на дне осталось немного жидкости, и вдруг что-то звякнуло о глину. Он заглянул в миску и увидел маленькую тёмную монету — старую, с потёртым гербом, непонятно как попавшую в суп. Он выловил её, вытер о штаны и повертел в руках.

— Это ещё что?

— Это знак, — спокойно ответила Баба Маня. — Я положила. Когда готовила, положила туда монету — старую, ещё царскую. Так делали в моём детстве: кто найдёт, тому счастье. А ты приехал — вот и нашёл. Держи. Пригодится.

Иван хотел возразить, что монета не может пригодиться, потому что она нигде не принимается, но не стал спорить. Он положил её в карман куртки, почувствовав холод металла, и отодвинул миску.

— Рассказывай, как ты, — попросил он, хотя сам не знал, с чего начать.

— Да как все, — пожала она плечами, и в этом жесте сквозила целая жизнь, уместившаяся в несколько секунд. — Куры есть, огород есть. Пенсию дают, но не всегда. Иногда задерживают по три месяца. Я не жалуюсь, я привыкла. На огороде своё есть — картошка, морковь, свекла. Куры несутся. Так и живу.

Она говорила так просто, что Иван почувствовал себя неловко. Его городские проблемы — кредиты, конкуренты, двенадцатичасовые рабочие дни — вдруг показались ему детским лепетом.

— А землю здесь продают? — спросил он, потому что слышал в городе, что в здешних местах активизировались скупщики.

Баба Маня нахмурилась, и морщины на её лице стали глубже.

— Приезжают, — сказала она медленно. — Семён приезжал, этот, из города. С графиками, с калькулятором. Говорит, «Мария Игнатьевна, ваша земля — это потенциал, вы сидите на деньгах». Я ему: «Семён, мои куры сидят на яйцах, а не на деньгах. Ты купи яйцо, а землю оставь». Он смеётся, говорит, что я отсталая, что у него агро-кластер будет. А я: «Кластер — это когда кучи навоза в одном месте? Так у меня и так кластер, под курятником». Он обиделся, уехал. Но слышно, что ещё приедет, уже с бумагами.

— А если приедет с бумагами? — спросил Иван.

Баба Маня медленно встала, подошла к печи и поправила дрова, которые тлели в топке.

— Бумаги — они тоже горят, — сказала она негромко. — У нас печь хорошая. Всё сгорит, что не нужно. А что нужно — останется. Земля, она не на бумаге, она под ногами.

Она помолчала, потом повернулась к нему и вдруг спросила прямо:

— Ты зачем приехал? В городе что-то случилось? Ты не звонил два месяца, а тут вдруг телеграмма. Я знаю, что без дела не приедешь.

Иван опустил глаза. Ему было трудно говорить, но он понимал, что бабушка не из тех, кто принимает уклончивые ответы.

— Стартап прогорел, — сказал он. — Долги остались. Денег нет. Не знаю, что делать. Решил... отдохнуть. Побывать здесь.

Она не удивилась, не ахнула, не стала жалеть. Только кивнула, как будто ждала этих слов.

— Отдохни, — сказала она. — Здесь воздух чистый, куры кудахчут, петух орёт — никто тебя не тронет. А там видно будет. Главное — не загоняй себя. Ты приехал не просто так, значит, нужен ты здесь. Значит, что-то тебе подсказало. Я тебя не выгоню, ты мой внук, какой бы ты ни был.

Она снова села, налила ему чаю из заварника, который стоял на плите, и добавила сушёных яблок.

— Ешь, пей, отдыхай. Завтра поговорим.

Иван допил чай, почувствовав, как тёплая жидкость разливается по телу, снимая усталость. На кухне становилось темно — керосиновая лампа давала мало света, но он привык к этому полумраку. За окном уже была ночь, и только где-то далеко рокотал трактор, убирая последнее зерно.

— Я спать, — сказал он.

— Иди, — кивнула Баба Маня. — Комната твоя готова, постель свежая. Только не бойся, если половицы заскрипят — это они старые, не выдерживают чужих шагов. А ты уже не чужой, они привыкнут.

Иван поднялся и пошёл в свою комнату — ту самую, в которой он спал мальчишкой. Всё было на своих местах: узкая кровать, накрытая шерстяным одеялом, на стене висел старый календарь с курицей, у которой были вымазаны глаза — он сам в детстве вымазал их чернилами, чтобы она не смотрела на него по ночам, потому что боялся, что она оживёт. Теперь ему стало смешно, но он не стал отклеивать календарь. Он разделся, лёг и прислушался к звукам дома.

Сначала было тихо, только ветер шевелил жестяные листы на крыше. Потом он услышал, как скрипят половицы в коридоре: одна — коротко и звонко, как будто говорила «да», другая — длинно, с хрипотцой, как «нееет». Он считал эти звуки, пока они не слились в монотонный ритм, и он провалился в сон.

Ему приснилось поле. Огромное, бесконечное, покрытое золотистой колосовой пшеницей, которая колыбалась на ветру. Посреди поля стоял стол, длинный, как струна, и на столе лежало яйцо — золотое, гладкое, излучающее слабый свет. Рядом с яйцом сидела мышь — большая, серая, с блестящими глазками. Она смотрела на Ивана, и казалось, что она знает его. Потом она коснулась яйца хвостиком — случайно, не специально, просто на бегу, — и яйцо качнулось, упало, и вместо того чтобы разбиться о стол, оно раскрылось, как бутон цветка, и оттуда вырвался ослепительный белый свет, который залил всё поле, весь мир, и Иван проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

— Вставай, — сказала Баба Маня. — Ты кричал.

Он сел на кровати, тяжело дыша. Пот стекал по лбу. Лампы не было, но светила луна, и в её свете он видел силуэт бабушки.

— Что приснилось? — спросила она спокойно.

— Яйцо... мышь... — пролепетал он. — Золотое яйцо. Оно упало и разбилось, но вместо желтка — свет.

Она помолчала, потом села на край кровати.

— Ты знаешь сказку про курочку Рябу? — спросила она.

— Ну, знаю. Дед бил, баба била, мышка хвостиком махнула...

— Вот именно, — сказала она. — Все знают, что мышка хвостиком махнула и яйцо разбилось. А кто знает, куда оно делось после того, как разбилось? Никто не знает. Потому что оно не разбилось — оно упало, но не в нашу сторону, а в другую. В сторону, где время течёт иначе. И оно лежит здесь, в этом доме, уже больше ста лет.

Иван непонимающе уставился на неё.

— То есть... ты хочешь сказать, что золотое яйцо существует? Реально?

— Реально, — кивнула она. — Но не из золота. Оно важное, вот что значит золотое. Важное для жизни. Моя бабка говорила, что её дед, твой прапрадед, из Палестины привёз это яйцо. Не как сувенир, а как знак. Сказали ему: «Будешь хранить — деревня будет стоять. Расколешь — всё пойдёт прахом». Он хранил. Потом деду твоему передал. Потом мне. А теперь — тебе приснилось.

Она поднялась, вышла в коридор, и Иван услышал, как она отодвигает половицы — ту самую, что скрипела длинно и с хрипотцой. Через минуту она вернулась с кожаным мешочком в руках, развязала его и высыпала на его ладонь яйцо.

Оно было матовым, бледно-золотистым, не блестящим, и на ощупь — тёплым, почти горячим, хотя лежало в тайнике. Оно было лёгким, как пух, и от него исходило слабое свечение, которое он заметил только сейчас, в темноте.

— Посмотри на него внимательно, — сказала Баба Маня. — Но не отрываясь.

Он уставился на яйцо. Сначала ничего не происходило. Потом внутри, в самой глубине, началось движение — облачко, которое вращалось, меняло форму, и вдруг он увидел в нём себя — маленького, с чемоданом, идущего по полю. Потом он увидел Бабу Маню — молодую, с косой, стоящую у реки. Потом он увидел деревню, но другую — с высокими домами и асфальтированными улицами, по которым ходили люди в костюмах с бумагами. Потом видение исчезло.

— Что это было? — прошептал он.

— Время, — сказала она. — Всё, что было, есть и будет. Всё в этом яйце. Потому я не продаю землю. Потому что земля — это не глина, а память. Продать землю — значит разбить яйцо. А разбить его — значит потерять всё.

Она взяла яйцо из его рук, завернула его в мешочек и убрала обратно под половицу.

— Теперь ты знаешь, — сказала она. — Не говори никому. Даже Зинке, даже Петровичу. Никому. Пока время не придёт, оно должно лежать здесь. А когда придёт — ты увидишь.

Иван почувствовал, что всё происходящее — сон наяву. Но он знал, что это реальность. Он лёг, прикрыл глаза, и уснул без снов до самого утра.

Проснулся он от запаха жареного лука. На кухне уже суетилась Баба Маня, что-то помешивая в сковороде. Иван оделся, умылся и вышел. За столом его ждала тарелка с яичницей, нарезанный хлеб и чай.

— Хлеб появился, — заметил он.

— Зинка принесла, — кивнула Баба Маня. — Я ей сказала, что ты приехал. Она обрадовалась. Велела передать, чтобы ты зашёл сегодня, она своих кур покажет.

Иван улыбнулся и принялся за завтрак. Яйца были домашними, желток ярко-оранжевый, вкусный. Хлеб тёплый, мягкий.

— Бабушка, — спросил он между укусами, — а что если я всё-таки решу разбить то яйцо?

Баба Маня остановилась, сковорода замерла в её руках.

— Ты его не разобьёшь силой, — сказала она тихо. — Его надо уронить случайно. Так, как мышка — она же не специально. Она бежала, задела — и оно упало. Вот и ты... когда не будешь думать о нём, оно само упадёт. Но тогда ты должен быть готов. Потому что внутри — не желток, а свет. И он может ослепить, если ты к нему не готов.

Она поставила сковороду обратно на плиту, села напротив и взяла его за руку — ту самую, которой он держал ложку.

— Теперь ты знаешь, зачем приехал, — сказала она. — Не за отдыхом. За правдой. А правда в том, что ты, Иван, — последний, кто может донести эту историю дальше. Я стара, мне уже недолго. А ты — молод. Ты запишешь всё, что увидишь. И люди прочитают. Не про яйцо, а про себя. Потому что яйцо — это мы все.

Иван не нашёл, что ответить. Он только смотрел на неё, на её руки, на её глаза, в которых горела та же искра, что и утром, когда они встретились на крыльце.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я останусь. И запишу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.